

LILY'S PLAYLIST

Nuxx — Born Slippy
Roni Size — Brown Paper Bag
Garbage — Dumb
Massive Attack — Teardrop
Portishead — Glory Box
Tricky — Money Greedy
Nirvana — Smells Like Teen Spirit
Placebo — 36 degrees
The Chemical Brothers — Block Rockin' Beats
Dick Dale & His Del-Tones — Miserlou
Radiohead — No Surprises
Lynyrd Skynyrd — Free Bird
PJ Harvey — Is This Desire?
Joy Division — Love Will Tear Us Apart
Spice Girls — Wannabe
The Cure — Boys Don't Cry
Radiohead — Exit Music (For a Film)

*Март 1998 года
Бистон-роуд*

Доктор Чен тяжело вздыхает, когда мы появляемся на пороге. Он уже понимает, что это значит, и точно не испытывает счастья при виде таких клиентов. Упрямый старый болван.

Не знаю даже, действительно ли Чен — доктор. Он стоит за прилавком в белом халате, очки на покрытом пигментными пятнами носу, сосредоточенное морщинистое лицо, но все это может быть таким же обманом, как «Профессор Домкрат» на автомастерской. Я узнавал, Домкрат еле школу закончил. Ни хера он не профессор.

— Добрый день, — явно перебарывает себя Чен. — Чем могу помочь?

— Не нам, — мгновенно вскидывается Роб, — не нам, старичок. Сегодня тебе нужно помочь себе.

Я придерживаю его за рукав, не давая заводиться. Мало того что горячая кровь нас ни к чему не приведет, так потом у Роба еще могут возникнуть проблемы со сбором денег. Вечно он так: сначала со всеми грызется, а потом как-то налаживает

то, что сам испортил. Правда, в большинстве случаев получается, но все равно не стоит рисковать.

— Доктор Чен, — подбираю самый мирный тон я, — вы уже знаете, для чего мы здесь. Мы назначали дату и пришли услышать ответ.

Его лицо мрачнеет сильнее. Не знаю, на что он надеялся — что мы зашли за витаминками? Вчетвером? С оружием?

— Наше предложение пока в силе, со скидкой. Сто фунтов в неделю, и вы можете рассчитывать на защиту.

— Это всего сотка, док, — весело добавляет Джей.

Взгляд Чена в панике мечется между нами. Он останавливается на Дже, который больше всех нас похож на разумного человека. Это все очки: Джей носит их со средней школы. Когда не открывает рот, можно принять его за ботана. Там еще и широкие бока вместе с пухлыми щеками дополняют образ.

И все же зря люди позволяют себя обмануть. Джей тупее винной пробки, и это одна его сильная сторона. Вторая — умение обращаться с ножом.

— Это очень дорого, — наконец выдавливает Чен. — Я не могу себе позволить.

— Мы знаем, что это не так, — качаю головой я. — Вы и больше можете, просто мы не жадные.

Не хотелось бы разносить его аптеку: она мне нравится. Чистенько, особенно для Бистона, аккуратно, и даже доктор Чен вполне приятный старичок. Но бизнес есть бизнес, и если он останется единственным на улице, кто позволит себе не платить, другие тоже не станут.

Кемал отлепляется от стены и встает у меня за плечом. Я легко киваю, позволяя сказать все, что он хочет.

— Давайте мы напомним, насколько щедро наше предложение, — с улыбкой коммерсанта произносит он. — За сто фунтов в неделю вы получаете отсутствие проблем с граффити, взломами и грабежами, случайно перехваченными поставками, таинственными проверками. И конечно, мы защитим вас от отвратительных уличных банд, которые занимаются незаконной деятельностью по всему Лидсу.

— А если что-то из этого произойдет? — дрожащим, но уверенным голосом уточняет Чен.

— Ни в коем случае, — еще шире улыбается Кемал. — Это невозможно.

Он, как всегда, хорош: хватает улыбки и пары слов, чтобы захотелось отдать ему первенца. Если бы этот парень организовал секту, за ним пошли бы тысячи. К счастью, он не заинтересован.

Доктор Чен достает из кассы деньги и кладет на прилавок, тут же накрывая морщинистой рукой. Глаза опасно прищуриваются, а по лицу видно: внутри идет ожесточенная борьба.

— Какие гарантии дает ваше... предприятие? — упрямо повторяет он.

— Все, что перечислено, — наша ответственность, — делаю шаг вперед я. — Если вы платите, никто не имеет права тронуть вашу аптеку. А если посмеет, мы разберемся с ним сами и вернем ушерб.

Звучит как рекламный слоган, но суть не в защите дурацкой аптеки. Это наша улица, и если мы позволим какому-нибудь нарикун испортить себе репутацию, бизнес рухнет.

Наш бизнес.

Остальные молчат. Доктор Чен испытующе смотрит на меня, а потом, не отрывая взгляда, придвигает купюры ближе и поднимает руку. Я еле сдерживаю победную улыбку и киваю Робу, чтобы забрал деньги.

— Мы будем заходить по четвергам, — обещаю Чену. — С вами приятно иметь дело, док.

Он не может ответить взаимностью, но в ней нет необходимости. Нам нужно согласие, покорность и осознание: то, что мы пришли лишь вчетвером, — акт исключительной вежливости. «Молодые стволы» и «Кирпичи» не были бы настолько благородны. Мысль, которую стоит усвоить каждому торговцу на улице.

Теперь, когда доктор Чен сдался, мы делим район на три части, неохваченных магазинов не остается. И вот тут начинается проблемная часть.

Мы выходим из аптеки, подставляясь первому весеннему теплу, и движемся вниз по улице. Роб и Джей тут же с облегчением

принимаются болтать о том, как просто все получилось. Кемал идет рядом со мной молча.

— «Кирпичи», — говорю себе под нос я.

— «Кирпичи», — понимающе кивает Кемал.

Больше слов не нужно. «Кирпичи» — та банда, что делит с нами Бистон-роуд: мы забрали правую часть, они — левую. Нам тесновато, и поэтому вопрос, будет ли драка, считай, решенный.

О том, что наверху той же Бистон-роуд лютует ямайская банда «Молодые стволы», я пока стараюсь не думать. Одна проблема за раз.

— Мы справимся, — как всегда, читает мои мысли Кемал. — Я слежу за ними не первый день, и есть ощущение, что они работают очень вяло и даже нехотя. По сравнению с нами, конечно.

— На крайний случай есть Тристан.

— Ядерная бомба, — улыбается тот. — Надеюсь, этот крайний случай никогда не настанет.

Чтобы вернуться домой, мы спускаемся вниз по дороге, проходя мимо старых одноэтажных зданий. Аккуратные, хоть и разношерстные заборы, садовые лавки в крошечных двориках, ровные и не очень газоны. В окнах сдвигаются занавески, и скрытые за стеклами глаза наблюдают за нашим неторопливым движением. Я привык к неодобрительным взглядам и уже не реагирую на них. Достаточно того, что местные научились молчать, наконец запомнив: это — лучший способ остаться целыми.

Они называют нас бандой. Пусть. Конечно, похоже на то, что мы обычные идиоты с ножами, и никто не заглядывает дальше них, но по большому счету плевать. Местные могут вешать любые ярлыки, какие только захотят, если им так легче. Лишь бы не лезли под руку.

Одинаковые ряды домов на аллее Кроу-Нест заканчиваются, и нам наконец открываются родные высоты. Две башни Коттингли, по двадцать пять этажей в каждой, возвышаются над зеленым полем, как нерушимый оплот социального жилья. Грязные внутри и снаружи, с крохотными окошками, похожими на бойницы. С продольными полосами, которые хоть и притворяются красным кирпичом, но на самом деле такая же фальшивка, как сюртук на свинье.

Наш родной дом — по соседству с крематорием.

Из нас семерых там живут пятеро. Еще двое — в таунхаусах ниже по улице. Поэтому мы так называемся, «Жнецы Коттингли».

Название придумал Кемал — он построил целую сельскохозяйственную теорию из нашего рэкета. Клиенты сеют, мы пожинаем, или что-то еще похожее. Мне иногда сложно понять, что он говорит, когда его несет в политику или философию. Но здесь я уловил суть.

А Коттингли просто было слишком очевидно, чтобы не использовать.

Если Бистон находится на отшибе Лидса, как отлетевшее с трассы М621 говно, то Коттингли — отшиб даже для Бистона. Дальше было бы сложно забраться.

— Люблю этот вид, — вздыхает Кемал.

— Нечего тут любить, — отвечаю я. — Места хуже не придумаешь.

— Мне прямо сейчас приходит на ум несколько мест, которые намного хуже наших башен, — улыбается тот. — Новости включал? Там на Балканах жуть творится.

— Не буду проверять, чтобы сравнить. Но здесь точно нечего любить.

— Они смотрят на нас снизу вверх.

Я поворачиваюсь к Кемалу, но тот мечтательно уставился вдаль. Чертов романтик.

— Местные. Они стоят здесь, на земле, и видят нас снизу. Это наши башни. Как у гребаных лордов.

— А мы и есть аристократия, — отзывается сзади Роб.

— Лорды Коттингли, — со смехом добавляет Джей.

— И отсасывают нам только на коленях, — в тон ему говорит Роб.

— Так, лорды из муниципальных квартир, берем пиво и собираемся в восемь на крыше, — прибавляю шаг я. — Все.

*Май 1998 года
Коттингли Тауэрс, 17-й этаж*

Ненавижу звук, с которым лезвие ножа проходится по точильному камню. Мерзкий, свистящий, от него кожа покрывается неприятными мурашками. Будь у меня любой другой способ поддерживать оружие в боевом состоянии, выбросил бы чертов камень в ту же минуту.

Визжание не заглушает мрачные мысли, наоборот, делает их хуже. С «Кирпичами» разобрались: кое-кто присоединился к нам, остальные сбежали в свои норы зализывать раны. Чистая победа, даже слишком хорошая для нас. Порой кажется, что мы что-то упускаем.

Мне бы радоваться, как остальные парни. Минус конкуренты, теперь бы выкурить ямайцев, и Бистон наш. Но я не верю в такие быстрые успехи.

— Помнишь нашего тренера? — бурчу под нос я.

Говорю то ли с собой, то ли с Муром... Но тот все равно слышит.

— А зачем ты сейчас о нем вспомнил?

Поднимаю голову, отвлекаясь от ножа. Мур, расслабленно развалившийся в кресле, как индийский раджа, смотрит на меня с ироничным вопросом в глазах. Его не прошибает ничего: он такой и в драке, и в пабе. Естественно, у меня в квартире он тем более чувствует себя как дома: мы дружим с детства.

— Он всегда говорил: когда забиваешь, нельзя терять голову. Главное — оставаться собранным и ждать ответа противника.

— А еще он говорил, что если будем трахаться с кем-нибудь, сдохнем от СПИДа, — показывает белые зубы Мур. — Ты каждую его реплику вспомнишь?

— Что-то все равно не так. Мы слишком просто разделились с «Кирпичами».

— Они оказались пачкой дрочил, у которых из оружия — три ножа на толпу и куски чугунных труб для остальных, — пожимает плечами он. — Что нам, притворяться, что боимся?

В его словах есть правда, но до конца они не успокаивают. И все же я благодарен ему. Мур — или Даярам Мурти, как его называли учителя, — мой друг с восьми лет. Мы играли в одной футбольной команде, вместе сидели за партой, а когда на спортивную карьеру не хватило денег, взяли философа Кемала Яхию и пошли заниматься рэкетом.

Иногда кажется, что Мур со мной всю жизнь. И всегда он такой: спокойный, с вечной улыбкой и легким отношением к миру. В нем есть все, чего не хватает мне самому.

— Фел, — он не дает мне вернуться к точильному камню, — пока все хорошо.

Я хмыкаю в ответ на нашу любимую фразу и перевожу взгляд к бубнящему телевизору. На экране как раз начинается очередная социальная реклама.

«Носишь нож? Ты носишь собственный гроб».

Правительству снова стало интересно, что мы делаем друг с другом. Ему насрать, что зимой старый Хансон с девятого этажа умер от холода. Насрать, что работы в Лидсе нет уже который год. Насрать, что наши родители не могут позволить

себе новую одежду или даже нормальный чайник. Зато как лезть к нам в карманы, так они первые.

— Достали, — отвечаю я телевизору.

Если я не буду носить нож в Бистоне, гроб придется искать куда быстрее.

Мы с Муром стали бандитами не потому что посмотрели «Ребят с улицы»¹ и решили быть крутыми, а потому что после того, как школа с радостью избавилась от нас, мы оказались не у дел в «приличном обществе». Заводы вокруг закрылись еще пять лет назад, а в те, что до сих пор работали в городе, конкурс был выше, чем в сраный Оксфорд.

Потратив два месяца на то, чтобы обойти улицы в поисках работы, мы были вынуждены организовать собственное дело. Тем более Кемал давно говорил, что так будет даже лучше: не придется пресмыкаться перед мелкими менеджерами, вроде тех, что чувствуют себя королями «Ко-опа».

Да, теперь нам приходится носить с собой ножи. Да, Бистон небезопасен, но это не мы сделали его таким. Нам не оставили выбора.

Стук в дверь вырывает меня из молчаливого спора с телевизором. Я замираю и прислушиваюсь: через пять секунд раздастся второй.

Свои.

— Я открою, — поднимается из кресла Мур.

От Тристана, который бесцеремонно вваливается в комнату, пахнет свежей выпечкой. Он единственный из нас подрабатывает — в местной пекарне. В этом есть какая-то злая ирония: в школе его называли Багетом. Конечно, он избил каждого, кто позволил себе это, и почти выколол прилипчивое прозвище из местных, но оно все равно его догнало.

— Я рано, да? — оглядывает комнату он. — Еще не шесть?

¹ Культовая американская криминальная драма 1991 года, без прикрас рассказывающая о жизни чернокожих подростков в гетто; затрагивает темы уличных банд, расизма и взросления.

Едва уловимый французский акцент смешивается с чистым йоркширским говором, и всегда чувствуется, что этот парень немного не такой, как мы.

Правда, «немного» — это неверное слово. Тристан одновременно разделяет с нами жизнь простого мальчишки из Лидса и при этом выделяется, как чистопородный скакун. Я сам до сих пор его не разгадал.

— Даже пяти нет, — отвечает Мур.

Он по-хозяйски машет Тристану, чтобы тот садился на свободное место, и снова поворачивается к телевизору.

— Так, что случилось?

Опустившись на пол и прислонившись к стене, Тристан мгновенно считывает настроение и смотрит на меня из-под нахмуренных бровей.

— У тебя лицо, будто кто-то умер.

Светлые всклокоченные волосы, так и не возмужавшее детское лицо и тощее телосложение — суший подросток. И даже голос самый высокий из нас всех. Тристана обожают местные тетушки, которые считают его ангелочком.

Я видел его в деле. Не стал бы на их месте так ошибаться.

— Забей, — отвечает за меня Мур. — Фел тревожится.

— Почему? Я думал, у нас все отлично.

— Именно поэтому.

— Нет, не поэтому, — раздраженно отвечаю я. — А потому что все слишком отлично.

— Думаешь, в мире за каждым углом ждет подвох? — широко улыбается Тристан, но его лицо тут же перекашивается от боли. — Черт, забыл.

Он достает из-под куртки пакет, и теперь запах свежей выпечки расплзается по всей комнате. Я вспоминаю, что не ел ничего с самого завтрака. Забыл.

— Украл нам булочек, — буднично сообщает он и протягивает пакет. — Берите, пока горячие.

— Уверен, что воровать еду с работы — хорошая идея? — спрашиваю я. — Тебя поймают, выебут и уволят.

— Так это отлично, должен же у меня где-то быть секс.

— Не прибедряйся, по пабам мы ходим вместе, — напоминает Мур. — Видел я, как у тебя нет секса.

— В пабе и не было еще.

— За пабом теперь не считается?

Их перепалка становится убаюкивающе привычной. Я тянусь к пакету и выуживаю оттуда две обжигающие булочки — их словно только что достали из печи.

Сомневаюсь, что Тристан расстроился бы из-за увольнения: оно не так уж много изменит в его жизни. Точно не сейчас, когда под нашим управлением оказалась уже большая часть Бистона.

Остались только ямайцы, но мы готовы выкурить их тоже. Тогда еженедельных взносов хватит и на нормальную жизнь, и на поддержание статуса в районе. Даже не представляю, чем мы займемся после, но сейчас и не нужно. Зачем тратить время на пустые мечты, пока следующая — и очень важная — ступень находится прямо перед носом?

— Кстати, а мы сегодня только по делу собираемся или паб тоже в программе? — отвлекает меня Тристан.

— Здесь — по делу. После собрания все свободны.

— Знаешь, приятель... Ты мне больше нравился до всей этой заварушки с «Кирпичами». Как-то ты был полегче, что ли.

— Ты просто не видел его на футболе, — откликается Мур. — Когда доходит до дела, Фел сам себе в зеркало не улыбается.

— Может, попробуешь?

— Что именно? — с раздражением уточняю я.

— Улыбаться. Чувак, мы бандиты, а ты ведешь себя хуже, чем менеджер в пекарне!

— Блядь, — выдыхаю я и с силой провожу ножом по точильному камню. — Оставьте меня в покое, пока не придумаю, что делать с ямайцами. Потом — хоть десять баров!

— Тебе необязательно думать в одиночку, — раздается голос из коридора.

Естественно, эти двое не закрыли дверь. Я поворачиваюсь к Кемалу — слава богу, что не кто-то чужой, — и мрачно киваю вместо приветствия.

— Конечно, — соглашаюсь я. — Мы с тобой обязательно все перетрем.

— А нас не хотите спросить? — обиженно тянет Тристан. — Или мы тут так, на подхвате?

— Прекрати все, что ты сейчас начинаешь, — прошу я. — Дело совсем не в этом.

— В этом, в этом, — с улыбкой кивает Мур.

Он делает все только хуже.

Просто когда говорят слишком много человек, ничего толкового не выходит. Знаю, проходил уже с десяток раз: если нас семеро, мнений настолько дохера, что прийти к одному посередине — значит потратить добрую неделю на споры и две неслучившиеся драки.

Хорошо еще Маккормак не пришел: этот и вовсе любитель сболтнуть что-нибудь исподтишка и смотреть, как поднимается новая волна споров.

Нет, лучше по-старому: мы с Кемалом обсудим, вдвоем прочедем варианты, найдем наименее стремный и принесем остальным. Это не значит, что спора не произойдет, но у нас уже будут все аргументы.

— Старая история, — как ни в чем не бывало продолжает Мур. — Они всегда ходят вдвоем, Феликс и его желание все контролировать.

— Благодаря ему мы еще живы, — напоминает Кемал. — Тут некоторым ослабь вожжи — они придут на махач с АК-47.

— Кто вам наврал, что у меня он есть? — невинно улыбается Тристан, хлопая ресницами, как школьница. — Откуда мне взять такое богатство?

— Хочу надеяться, что ты говоришь правду, — вздыхаю я. — Иначе копы перестанут считать нас безобидными.

— Есть пара гранат.

— И мы не берем их с собой.

Тристан хмурится и недовольно тянется за булочкой. Забивая рот тестом, он не меняет оскорбленного выражения лица.

— Пока мы не подрались, поставлю чай, — решает Кемал.

Кухня в нашей квартире находится дальше всех от моей комнаты — нужно пройти по коридору мимо спальни матери,

небольшой кладовки, а уже потом выйти туда через гостиную. Как только я слышу голос Кемала, зовущего меня, чтобы показал, где хранится чай, сразу понимаю: это повод поговорить.

Чай последние пятнадцать лет стоит на одной и той же полке.

— Надеялся, хотя бы победа над «Кирпичами» тебя вдохновит.

Кемал стоит у подоконника со скрещенными на груди руками. Длинные темные волосы падают на лицо, при каждом движении на нем скрипит черная кожанка. Небольшой электрический чайник — новенький, я недавно подарил его матери — шумит, подогревая воду. Мы как старая семейная пара, не хватает только халатов в полоску.

— Мы все еще в опасности, — парирую я.

— Может, попробуешь расслабиться? — поднимает бровь Кемал. — Мы назначили тебя лидером, и если ты нервничаешь, то все будут.

— Я не...

— Хочешь сказать, ты собран, спокоен и уверен?

Возможно, Кемалу нужно было самому возглавить банду. Сейчас, когда он стоит напротив, отчитывая меня, как ребенка, я не могу не вспомнить, что изначально это он все придумывал и превращал необходимость зарабатывать в сверхидею.

— Я никогда не стремился в лидеры.

— Врешь, — безразлично отвечает Кемал, будто сообщает мне давно известный факт. — Ты всегда им был, и я не собираюсь отнимать у тебя это звание. Никто не собирается.

— Скажи это Робу.

— Роб потерпит. Мы в тебя верим, просто... расслабься немного. Ни одна революция не совершалась с такой постной рожей.

Ах, да. Кемал и его идеология — вот уж кто попугайчики-неразлучники. Его послушать — мы не кучка бандитов, а новое поколение то ли революционеров, то ли фермеров, для которых город — это поле, а мы возделываем его и пожинаем плоды.

Чушь? Еще какая. Но как красиво он ее заворачивает! Когда Кемал открывает рот, чтобы толкнуть впечатляющую речь, я сначала стараюсь вежливо кивать, но к моменту воодушевляющего финиша во мне бурлят кровь, адреналин и желание покорять города.

Может, я тут и формальный лидер, но если Кемал решит, что мое время ушло, он легко меня уберет.

— И еще, — поднимает он руку, — Трис прав. Нужно обсудить всем вместе. И тебе проще, и остальные поймут, в чем наша проблема.

— Это на весь вечер.

— Знаю. Но нам все равно некуда торопиться.

Глухой нерешительный стук в дверь, за которым следует такой же второй, с потрохами выдает Джея. Мур снова кричит: «Я открою!», прежде чем подняться из кресла. Нам осталось дожидаться Роба и Маккормака, которые, как всегда, придут только к назначенному времени.

— Ладно, — соглашаюсь я. — Снова попробуем сделать это вместе.

— Не надо так сопротивляться, мы тебя не на оргию зовем. И да, в бар сегодня — обязательно.

Я команду парнями.

Кемал командует мной.

В мире нет ни грамма настоящей свободы.

ГЛАВА 2

Лили

Коттинили Хайтс, 17-й этаж

Когда я возвращаюсь домой, бабушки уже нет. В последнее время у нее много ночных смен в больнице, и к концу моей работы она только-только уходит на свою. Так что мы редко видимся, и, пожалуй, это к лучшему.

Бабушка вечно повторяет: не забывай про экзамены, подумай о своем будущем. От ее святой уверенности, будто в Лидсе есть будущее, мне сразу и смешно, и страшно: в ее время это было возможно. Она часто рассказывает, как в Бистоне работали фабрики, и город боролся за жизнь после войны, восстанавливая предприятия. А люди верили, что мировое зло побеждено и все плохое ушло вместе с ним.

Не знаю, как объяснить ей, что теперь здесь не город, а ад. Если сороковые разрушали здания в Лидсе, девяностые растаскивают на куски его душу. В детстве я любила приезжать сюда, гулять по улочкам, есть мороженое, которое бабушка покупала в фургончике. Тогда здесь пахло теплыми камнями брусчатки, свежескошенной травой и жареным мясом.

Каждый раз после лета в Лидсе я ехала обратно в Шеффилд и представляла, что вырасту и моя жизнь будет именно